

The book cover features a surreal, dreamlike scene. In the foreground, three people (a man in a hat, a woman, and a younger man) stand on a wet, reflective stone terrace, looking out over a body of water towards a sunset. To their left is a large telescope on a tripod, with a stack of books and a lit candle nearby. The sky is a vibrant mix of orange, purple, and blue, filled with stars, a large blue planet, and a smaller moon with a human-like face in the upper left. Glowing orbital lines crisscross the sky. The title 'НОВАЯ ТОЧКА НА ВЕТВИ' is written in large, white, serif capital letters across the upper half. The author's name 'Агния Антрэ' is at the bottom in a similar white serif font.

НОВАЯ ТОЧКА НА ВЕТВИ

Агния Антрэ

Агния Антрэ

Новая точка на ветви

<https://litres.ru/74143809>

SelfPub; 2026

Аннотация

Профессор астрономии открывает далёкую планету, удивительно похожую на Землю. Почти такой же год, те же законы природы — но этот мир давно скован вечным льдом. Неужели перед ним не просто открытие, а предупреждение человечеству? Вместе с молодыми исследователями профессор пытается разгадать тайну ветвей реальности, возможностей человеческого сознания и выбора, от которого зависит будущее нашей планеты. Философская научная фантастика о космосе, ответственности и силе человеческого разума.

Агния Антрэ

Новая точка на ветви

От автора

Эта история — о маленьком предчувствии, которое способно изменить взгляд на мир.

О планетах и ветвях реальности, о сознании, которое соединяет внутренний и внешний миры.

О том, что каждое осознанное действие и каждая мысль создают будущее.

Я приглашаю вас пройти этот путь вместе с героями — профессором, Софьей, Марком и луноликим.

Посмотреть на Вселенную через глаза тех, кто осмелился не только наблюдать, но и слышать её язык.

И, возможно, задуматься о том, что спасение Земли начинается с понимания самого себя.

Агния Антрэ

Новая точка на ветви

Профессор астрономии не всегда прислушивался к интуиции. В молодости он верил только в проверяемое: формулы, измерения, наблюдения. Теория, физика, математика — вот язык, которому он доверял. Всё остальное казалось ему лишь человеческой склонностью искать смысл там, где есть только случайность.

В восьмидесятые годы он ездил на научную конференцию — одну из тех, где обсуждения продолжались дольше официальных докладов. Именно там он встретил человека, которого позже вспоминал с особой ясностью. У того было необычное лицо — спокойное, почти светящееся, будто отражающее мягкий лунный свет. Профессор тогда мысленно назвал его «луноликим», не вкладывая мистики — просто подбирая точное сравнение.

Они разговаривали долго — о космосе, о сознании, о границах человеческого восприятия.

— Вы рассматриваете Вселенную как единую ткань, — сказал луноликий мужчина, — но что если она разветвляется? Представьте структуру, похожую на игрек: одна точка — и расходящиеся направления. Мы находимся в одной ветви. Но в этот же самый момент могут существовать другие.

— Параллельные миры? — скептически уточнил профессор.

— Не миры, — мягко поправил тот. — Мерности. Они не пересекаются не потому, что невозможны, а потому что условия их существования различны. Пока мы сидим здесь, на конференции, в другой ветви может происходить нечто столь же реальное — но недоступное нам.

— Где доказательства? — спросил профессор.

— Доказательства приходят позже, — ответил мужчина. — Сначала приходит способность представить. А потом — почувствовать, что именно нужно искать.

Перед расставанием он добавил почти невзначай:

— Когда-нибудь вы обнаружите то, что давно ищете. И тогда вспомните этот разговор.

— Что именно?

Луноликий слегка улыбнулся:

— Новую точку на ветви.

Тогда профессор не придавал этим словам значения. Он не верил в сверхъестественное и не собирался отказываться от рациональности. Но мысль о возможностях человеческого мозга — о способности улавливать закономерности до их строгого подтверждения — зацепила его. Он впервые допустил, что интуиция может быть не противоположностью науки, а её ещё не исследованным продолжением.

С тех пор он внимательнее относился к редким предчувствиям — не как к мистике, а как к слабым сигналам ещё непонятных процессов мышления.

И вот в последние дни его снова не покидало странное ощущение — словно на границе понимания зреет нечто важное. Будто космос, к которому он обращался всю жизнь, готовится ответить.

В ту ночь профессор астрономии долго не выключал свет в своей обсерватории. Перед ним мерцал экран — язык Вселенной, записанный не буквами, а светом. Узкие линии спектров, колебания яркости звёзд, повторяющиеся ритмы — всё это складывалось в странные фразы, которые нужно было научиться читать. Иногда ему казалось, что космос не молчит

— он говорит, просто его слова слишком древние и холодные для человеческого слуха.

И вдруг среди привычного узора возникло новое «слово». Слабое затемнение света повторялось с точной периодичностью. Расчёты заняли часы — и ответ появился.

Это была планета.

Почти земного размера, далёкая и холодная, где температура могла опускаться до минус семидесяти градусов. Но больше всего профессора поразило другое: её год длился примерно триста пятьдесят пять дней.

Почти как на Земле.

Он замер. В памяти неожиданно всплыли слова с той давней конференции: «Новая точка на ветви».

Совпадение? Или закономерность?

Мысль, прежде казавшаяся красивой метафорой, обрела пугающую ясность. А что, если эта планета — не просто очередное небесное тело? Не фантастический параллельный мир, а естественное проявление глубинных законов реальности.

Он вспомнил гипотезу, которую когда-то считал слишком смелой: квантовые события не «выбирают» один-единственный исход — они реализуются во всех возможных вариантах, просто в разных ветвях реальности. Каждое микроскопическое отклонение не исчезает, а продолжается по своей линии.

Тогда Земля — одна ветвь.

Эта холодная планета — другая.

В исходной точке их возможности могли быть похожи: схожий ритм обращения, близкая продолжительность года, единые физические законы. Но малые различия — температура, состав атмосферы, случайность химических реакций — разошлись, как лучи от одной вершины. И там, где на одной ветви возникли океаны, дыхание и память, на другой воцарились лёд и молчание.

Вселенная не делает выборов — она раскрывает варианты.

Она не отсекает возможности, а разворачивает их.

И тогда «новая точка на ветви» — это не просто открытие планеты. Это обнаружение ещё одного реализованного варианта бытия.

Профессор откинулся в кресле и перевёл взгляд к ночному небу. Земля вдруг показалась ему невероятно хрупкой. Тёплая вода, воздух, жизнь — всё то, что кажется людям обычным, на самом деле редкость космического масштаба. Но вместо того чтобы беречь этот дом, человечество часто мечтает о бегстве — о новых мирах, словно о запасных вариантах.

Он подумал: разветвление возможно не только в космосе, но и в судьбе цивилизации. Одна ветвь ведёт к осознанию и бережности, другая — к утрате.

И тогда его взгляд обратился внутрь — к собственному сознанию. Он попытался всмотреться в мысли так же внима-

тельно, как в далёкие звёзды. Там тоже происходили вспышки, столкновения смыслов, рождение идей. Внутренний мир казался ещё одной вселенной — скрытой внутри человека.

Человек балансирует между мирами.

Одной частью он принадлежит космосу — материи, телу, физическим законам. Другой — пространству сознания, где рождаются смыслы. Мы словно стоим на границе этих вселенных — не полностью здесь и не полностью там.

Где же тогда наше подлинное место?

Возможно, человек ещё не завершил своё развитие. Наш мозг — лишь начатая глава эволюции. Потенциал его не раскрыт до конца. И, быть может, когда он однажды разовьётся полностью, граница между внешней и внутренней вселенной исчезнет. Миры соединятся — не через порталы и чудеса, а через понимание.

Иногда профессору казалось, будто время для такого раскрытия не принадлежит людям. Будто кто-то или что-то — закон мироздания, высший порядок, Бог — отмеряет этапы. И доступ к глубинам памяти и сознания даётся лишь тогда, когда человечество готово принять его. Возможно, мы пока не готовы.

Экран продолжал мерцать. Далёкая холодная планета вращалась вокруг своей звезды — молчаливая ветвь великого разветвлённого дерева реальности.

Профессор смотрел на неё и понимал: поиск продолжается. И в космосе. И внутри человека.

И, возможно, именно этот поиск — движение по своей ветви — однажды приведёт нас к точке, где внешняя Вселенная и внутренняя наконец узнают друг друга.

Глава вторая. Холодная ветвь

Размышления утомили профессора. Мысли всё ещё двигались по разветвлённым линиям, сопоставляя Землю и далёкую планету, возможное и осуществлённое, науку и интуицию. Он сидел в кресле, глядя на мерцающий экран, пока цифры постепенно не начали расплываться.

Сон подкрался тихо — не как резкий обрыв, а как мягкий переход.

И это был не обычный сон.

Сначала он почувствовал холод. Не просто отсутствие тепла — а пронизывающую тишину замёрзшего мира. Он открыл глаза и понял, что стоит на поверхности той самой планеты. Небо над ним было тусклым, звезда — бледной, свет её едва касался бескрайних ледяных равнин.

Но в этом холоде было что-то странно знакомое.

Под слоем льда он видел очертания — словно память проступала сквозь замёрзшую корку. И тогда пространство вокруг дрогнуло, и перед ним развернулась другая картина.

Та же планета. Но не холодная.

Голубые океаны отражали свет звезды. Континенты были покрыты лесами. В атмосфере витал тёплый ветер. Города сияли огнями — не агрессивными, а мягкими, встроенными

ми в природу. Люди ходили по берегам морей, строили, исследовали, мечтали. Их мир был живым, дышащим, почти неотличимым от Земли.

Профессор понял: когда-то эта ветвь была такой же.

Та же точка в основании игрек-структуры. Те же возможности. Та же хрупкая гармония условий.

Но затем картины начали ускоряться.

Он увидел, как города становятся выше и плотнее, как леса редеют, как небо мутнеет от выбросов. Он увидел, как океаны теплеют, как ледники тают, как ресурсы истощаются. Люди спорили, отрицали, откладывали решения. Они верили, что успеют. Что технологии всё исправят. Что планета выдержит.

Потом наступил перелом.

Климат стал нестабильным. Ураганы, засухи, неурожаи. Начались конфликты за воду и энергию. В отчаянии человечество попыталось изменить атмосферу резкими вмешательствами — охлаждать её искусственно, экранировать звезду, управлять потоками тепла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.